

О ПОНИМАНИИ – А.Л. НИКИФОРОВУ

Веретенников Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6;
e-mail: and.veret@gmail.com

Целью статьи является обсуждение одной из особенностей лингвистического общения, а именно непонимания. По замыслу концепции Дж. Л. Остина, непонимание рассматривалось как следствие ошибок или неточностей в коммуникации. Классификация, предложенная в статье, основывается на педагогическом опыте и относится к двум случаям непонимания – «полное непонимание» и «излишнее понимание».

Ключевые слова: философия языка, погрешность, Дж. Л. Остин, излишнее понимание

ON UNDERSTANDING. REPLY TO ALEXANDER NIKIFOROV

Andrei A. Veretennikov – PhD in Philosophy, associate professor. Russian State University for Humanities. 6 Miusskaya sq., GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation;
e-mail: and.veret@gmail.com

The aim of this paper is to discuss one distinct feature of linguistic communication, namely, misunderstanding. Along the general lines of the work of J. L. Austin misunderstanding treated as mistakes in communication or infelicities. The classification offered in the paper is based on the teaching practice and deals with two cases of infelicities – “total misunderstanding” and “overinterpretation”.

Keywords: philosophy of language, infelicity, J. L. Austin, overinterpretation

Понимание в широком языковом контексте, на уровне словаря, является чем-то, стоящим в ряду со словами «интерпретация», «истолкование», «контекст», «говорящий–слушатель», ну и конечно «смысл» и «значение». По поводу каждого из этих слов имеется соответствующая литература и соответствующие лекционные курсы, которые, в зависимости от автора, могут привести читателя или слушателя в состояние просветления, опустошения или отупения.

Сразу хотелось бы заметить, что и «интерпретация», и «истолкование» являются синонимами, первое слово – по сути транскрипция латиницы, второе же, конечно, исконно русское, обладающее широчайшими возможностями для истолкования. Оба слова с легкостью заменяются третьим – перевод. Философы, лингвисты и историки науки уже традиционно и довольно безуспешно обсуждают возможность или невозможность перевода, его радикальность или непрозрачность. Причем в зависимости от индивидуальных особенностей языка автора или его научного контекста, т. е., по сути, той узкой области, с которой он знаком, мы сталкиваемся с новыми рядами слов. Это «парадигма», «революция», «кумулятивность» в случае с историей науки или «относительность», «языковые универсалии» или «коммуникация» – в случае с более архаичной лингвистикой.

«Культурные универсалии», «контекст» или «медиа», взятые в специфически научном смысле даже не стоит принимать в расчет – настолько они непрозрачны даже для самих авторов, по большей части, видимо рассчитывающих на то, что слушатель просто усвоит практику их употребления и будет адекватно воспроизводить в зависимости от идиоматической нормы, задаваемой самым авторитетным автором в группе.

Именно поэтому, в силу склонности гуманитарных наук к сектанству, рассчитывать что-то понять в работах авторов какой-то школы или творческой группы практически невозможно без обращения к практике употребления в текстах или выступлениях отца (в редких случаях матери) – основателя. Смысл и значение являются священными словами логики и философии языка, часто к ним добавляют «референцию» и «композициональность».

Можно заметить, что, по сути, типы употребления этих слов являются наиболее независимыми от практики усвоения и воспроизведения, т. к. логика предполагает однозначность в переводе на язык обычных людей (под которыми, как правило, понимаются философы) формальных систем или просто последовательностей символов. Интерпретация в этих дисциплинах имеет несколько другой вид, она представляет собой перевод или перенесение одних последовательностей символов в другие или даже погружение одних фрагментов естественного языка в другой. Можно только гадать, что именно может образоваться в голове у человека в результате длительного размышления над школьным примером корреспондентной теории истины ««снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел», если не знать о математическом понятии «выполнимость» или лингвистическом – «метаязык», не говоря уже об «истине» или «соответствии». Например, соответствии чему? Высказыванию «снег бел» или факту? В некоторых случаях это ведет к интересным образованиям, например, каждый, кто знаком с историей логики и метафизики, знает, что наиболее успешным способом экстенциональной интерпретации интенциональных (зависимых от контекста) модальных операторов «возможно» и «необходимо» является их перевод при помощи слова «возможный мир». Получается, предложение с оператором «возможно, что я мог быть лыс» означает либо «в некотором возможном мире существует как минимум один я, который лыс», или «существует как минимум один возможный мир, в котором я лыс», или «в некотором возможном мире существует мой двойник или дубликат, который лыс» где «невозможный мир» был бы таким, где не просто непонятно, лыс я или нет, это просто довольно далекий мир, но такой, где я одновременно и лыс, и нет. Такого рода примеры перевода представляют собой интересные задачи, над которыми можно весело порассуждать на уроке. Тем не менее все эти, разумеется не все из существующих,

рядов слов, связанных с «пониманием», упускают одно обстоятельство, на которое я хотел бы обратить немного более пристальное, чем обычно, внимание.

Это обстоятельство заключается в следующем. Как правило, когда речь идет о понимании чего-либо, например сложных искусственных словосочетаний, будь то либо «универсалии культуры», или «возможный мир», или просто пониманием красоты природы, ее так сказать, принятие в себя, мы, в зависимости от образования или выучки, прекрасно ориентируемся в нормативном поведении, т. е. таком, которое от нас ожидается. Понимание красоты водопада отличается, конечно, от понимания возможности его инженерного использования для, например, выделки волчьих шкур, и заключается в довольно назойливом словесном восхищении или показе окружающим фотографий этого водопада. Кстати, универсалии нашей культуры в этом случае не запрещают бросать мусор в этот самый водопад, т. к. понимание красоты в данном случае не связано с ее сохранением после того, как ее уже поняли. Поведение, будь оно лингвистическим или поведением в обычном смысле, фиксируется при помощи наказания или осуждения в случае отклонения от нормы, задаваемой образцом или примером поведения. Классическая ситуация – когда я кладу кирпичную кладку, а вы помогаете: я протягиваю вам пустую руку, сопровождая этот жест нечленораздельными междометиями. В случае, если вы принимаете норму, было бы странно, если бы вы протянули мне мороженое или, допустим, овечью шапку. Минимум, чего можно было бы тут добиться – это несколько иной цепочки междометий, что закрепило бы в вас уверенность в норме «протягиваю руку – клади кирпич, а не шапку, и не рассуждай о том, моя ли это рука и т. д.». Как раз коррекция случаев непонимания, неудачи или неуспеха составляют основу обучения норме, такой, какой мы бы хотели ее видеть. Рассмотрим два примера из педагогической практики, которые помогут немного с иной стороны осветить наше понимание «понимания». Или как сказал один известный философ, «здесь ненормальное проясняет норму».

Случай первый: тотальное непонимание или «нет вопросов»

Я веду урок, читаю лекцию или сплю с открытыми глазами на семинаре. Когда слушателям просто хочется домой или погулять, вопросов возникнуть не может, более того, нормой будет групповое осуждение какого-либо выскочки, мешающего приступить к этим приятным делам. Этот случай, несмотря на то, что он нередкий в педагогической

практике, встречается часто и на конференциях и защитах диссертаций. Он не имеет никакого отношения к «пониманию». К пониманию имеет отношение другой случай – это когда я произношу какие-то бессвязности, иногда ласково именуемые «полетом мысли». Здесь уже аудитория, если она достаточно подготовлена, исходя из своих представлений о ясности и отчетливости, демонстрирует мне свое осуждение. В этом случае мы имеем дело с тотальным неуспехом лектора, что, конечно, часто извиняется по нашу сторону кафедры замечанием о том, что аудитория «недостаточно подготовлена» к таким глубоким и сложным вещам. Если произносимое не было действительно полетом мысли, то здесь мы имеем дело с непониманием самим говорящим того, что может адекватно норме автора воспринять аудитория. Например, когда я прошу выяснить, могут ли неистово спать именно ярко-красные идеи, или же мы могли бы включить в список спящих и зеленые. В том же случае, если говорящий задевает этические или эстетические воззрения слушателей, может возникнуть дискуссия, часто перерастающая в обвинения, что, конечно, не является проблемой понимания. Допустим, в предложении об идеях кто-то увидит цитату из своего любимого автора.

Второй разновидностью тотального непонимания является та ситуация, когда лектор произносит банальности или азбучные истины. Здесь подготовленная аудитория также подвергает осуждению непонимание говорящим ее уровня, снисходительному или нет – зависит уже от симпатичности слушателям самого лектора. Если не брать случаи заведомо пустопорожних лекционных курсов, предназначенных для заполнения учебного расписания или, в случае с коммерческими лекциями, – вытягиванию у слушателей денег при помощи создания у них иллюзии того, что без четырех-пяти лет обучения можно за неделю усвоить нормативное лингвистическое поведение, самым ярким случаем непонимания является случай публичных лекций. Например, если я рассказываю о разнице между синтаксисом и семантикой на школьном примере яростно спящих красных идей, что с точки зрения любого более или менее знакомого с логикой или историей философии слушателя будет банальностью, вопросов возникнуть не может. У слушателя может возникнуть только некоторое раздражение вследствие непонимания назначения произносимого – такого рода вещи скорее являются авторским прочтением энциклопедических вещей, чем подробным анализом, на который просто нет времени. Это именно тот случай, о котором говорят, что слушатель не туда попал. Обе разновидности непонимания в той же мере можно назвать и разновидностями понимания. В первом случае не понимает лектор, а понимает аудитория, во втором – наоборот.

Случай второй – излишнее понимание, или «я такого не говорил»

Этот случай зависит в большей мере от слушателя, чем от говорящего. Самый простой пример – когда встает слушатель и говорит, что не может быть такого, что только идеи ярко-красные, красными могут быть еще множество вещей, например, простыни, машины или закаты. Здесь уже я не могу понять, шутка это или слушающий всерьез не усваивает норму, согласно которой мы ограничены в обсуждении цветом именно идей. Либо, в случае с синтаксисом и семантикой, слушатель пытается развить тему в духе того, что неважно, что высказывание бессмысленно, но грамматически верно, ведь его можно использовать как кодовое, например, как сигнал к атаке. В случае достаточной искренности спрашивающего, непонимание проявляется в том, что слушатель задевает пласт проблем, не имеющий отношения к обсуждаемой области. Естественно, аудитория, в зависимости от степени лености, может рукоплескать таким отвлекающим или сбивающим с основной линии лекции индивидам. Очевидно, что в случае искренности спрашивающего, непонимание в этих двух случаях происходит в силу неумения или ошибочного употребления кванторных слов. Парафразируя известный философский пример: «есть еще холодное пиво?» – «нет»; «вы что, хотите сказать, что на всем свете не осталось холодного пива?» По-видимому, непонимание ответа является следствием неправильного усвоения употребления скрытых кванторов – «нет» означало «у нас» или «в холодильнике». Другой типичный случай мог наблюдать каждый, знакомый с курсами по философии, когда слишком чувствительные слушатели принимают иронию, пусть и симпатизирующую, за обвинение: «вы хотите сказать, что эти мыслители были полными дураками?» Но непонимание иронии или, допустим, переносного смысла, является отдельной темой, которая увела бы нас от кванторов.

Мне кажется, именно практика непонимания и нарушение правил, так сказать, переворачивание норм, является основой и для обычного, и для философского усвоения и осмысления способа употребления этого загадочного слова.